

Девушка, которая умела рисовать

За три квартала до дома Элиза оступилась и упала, щедро зачерпнув снег полусапожками. Полицейский наблюдатель на воздушном шаре сопровождал падение насмешливой трелью свистка. Видимо, это было самое значительное происшествие за время его дежурства. Остаток пути девушка почти пробежала, часто перекладывая из одной руки в другую небольшую, но увесистую вязанку дров.

Во дворе дети вели осаду снежной крепости.

Перед дверью Элиза выбила каблучками дробь, сбивая с них снег. Квартира домовладелицы была, как всегда, открыта, но девушка нажала кнопку электрического звонка, предупреждая о своем визите.

Фрау Рихтер сидела в кресле-качалке. В руках ловко стучали спицы, вывязывая очередной носок, а взгляд был прикован к детворе за окном.

– Добрый вечер, – вежливо сказала Элиза. – Я принесла плату за жилье. Герр Ланге продал несколько моих рисунков...

– Добрый, добрый, милочка, – домовладелица, не глядя на нее, покивала головой. – Положи на стол. За этими мальчишками надо следить. Слышала, что на той неделе они разбили окно у добрейшей фрау Вебер?

– Нет, фрау Рихтер, – Элиза переступила с ноги на ногу, ощущая, как хлупает вода в сапожках. – Новости не часто доходят до моего этажа. Карл тоже штурмует крепость?

На мгновение фрау Рихтер перевела на нее взгляд.

– Карл заболел.

– О, надеюсь, ничего страшного?

– Я тоже надеюсь. Надо поменьше переживать из-за глупого щенка и не изображать из себя снеговик, – спицы застучали громче. – Знаешь, милочка, пришлось перевесить в его комнату твой рисунок. Видишь ли, он без него не может. Я очень жалею, что позволила притащить в дом собаку. Карл не спит уже две ночи, и теперь у него горячка. Завтра позову доктора.

Только теперь Элиза обратила внимание, что рисунка на стене нет. Когда щенок Карла попал под колеса экипажа, многие во дворе вздохнули с облегчением. Собачонка слишком громко лаяла и слишком любила кусать за ноги обитателей дома. Но Карл был безутешен, каждую ночь во сне продолжал играть со своим другом, и тогда Элиза подарила ему рисунок, на котором щенок и мальчик всегда были вместе.

– Передайте ему пожелание поскорее выздороветь, – девушка слегка поклонилась и пошла к двери.

– А что, цены на дрова упали? – окликнула ее домовладелица.

– Если бы. Опять выросли.

– Что делать... Проклятая зима никак не закончится.

Элиза выдавила вежливую улыбку. Муж фрау Рихтер был дровосеком, и дороговизна дров положительно сказывалась на благосостоянии их семьи.

Парадная лестница предназначалась для более состоятельных жильцов, что девушку несколько не огорчало. По «черной» винтовой лестнице можно было подняться на мансарду, не раскланиваясь с важными кавалерами и их чопорными спутниками. Хватало и того, что она каждый день рисовала сценки из их жизни и жизни особ более высокопоставленных. Если, конечно, удавалось извлечь крупицу интересного из мешанины мечтаний и желаний. Но, что поделать, такие картинки продавались лучше всего: балы, приемы, тайные свидания. С действующими лицами смутно знакомыми покупателям. «Не правда ли, эта дама так похожа на герцогиню Шакенбургскую?» О нет, всегда хотелось сказать Элизе, не похожа. Это она и есть. Но, зайдя сама герцогиня в

лавку герра Ланге, чего быть никак не могло, гордость не позволит ей признать себя героиней той или иной жанровой сценки. Гордость, глупость и осторожность, впитанные с молоком кормилицы.

Центральное отопление на мансардный этаж не распространялось, но комната не успела остыть за пару часов отсутствия хозяйки. Скинув обувь и насквозь промокшие носки, Элиза в чулках прошлепала до очага. Соломон, белый пушистый кот, путался в ногах, выражая свою приязнь.

– Успел соскучиться? Ой ли? Вкусенького хочешь, бродяга, – разговаривая с котом, девушка чиркнула серной спичкой. – Сейчас поедем. Только переоденусь в сухое. Ага! Опять дрых на моей постели!

Конечно, дрых. И очень даже сладко. Украдкой зевнув, Соломон сел и принял крайне благопристойный вид, обернув хвост вокруг лап. Кровать хозяйки он считал своим законным ложем, ее пускал спать из милости, а вот Людвига недолюбливал, потому что Людвиг придерживался твердых убеждений «кровать на двоих», и третьим лишним всегда оказывался Соломон.

Разноцветные, медовый левый и голубой правый, глаза кота следили за перемещениями девушки. Вот она переоделась. Вот поставила разогревать в котелке, наполненном водой, бутылочку молока. Вот пересчитала деньги в кошельке и убрала в тайник за оконной шторкой, оставив лишь несколько монет. Вот наконец-то порезала мясо.

– Кушай, лапа. Знаешь, мои работы начинают нравиться, продаются все лучше и лучше. Значит, скоро придется уезжать. Мы и так задержались здесь. Должна же наступить весна? Но горожане такие щедрые... Рискнем остаться на недельку? Думаю, мы можем себе это позволить. А сейчас я, пожалуй, порисую. Хочешь узнать, что снилось сегодня нашему мяснику?

С самого приезда в город Элиза писала одной черной тушью. Черно-белые рисунки для черно-белого города. На мольберте у окна всегда стоял один и тот же набросок: белые крыши домов, черные трубы, серый дым, черные ветви деревьев. Вид из окна мансарды. Первое, что она нарисовала, когда поселилась здесь.

Поверх него девушка прикрепила картон, а сверху чистый лист бумаги. Поставила рядом стакан молока и принялась рисовать в угасающем свете дня. Мяснику снилась кондитерская с пухлой кондитершой за прилавком. На эту жанровую сценку мог найтись лишь один покупатель – сам мясник.

Сытый кот спал на кровати.

Около девяти часов вечера, когда готовый рисунок успел высохнуть, художница дремала с котом в обнимку, а на столе оплавлялась одинокая свеча, в окно постучали.

– Ты, Людвиг? – встрепелась девушка.

– Да. Разочарована?

Элиза откинула защелку, и в комнату, согнувшись почти пополам, влез худощавый, одетый, как положено людям его профессии, во все черное, Людвиг. Стукнулся головой об оконный проем, отчего кепсель¹ сполз на затылок, выругался и тут же засмеялся.

– Ну почему всегда так? Забываю, какое маленькое у тебя окно...

– Привык к более широкому? – притворно нахмурилась Элиза.

– Как догадалась? – трубочист поцеловал ее холодными губами. – Привет, Соломон.

Кот делал вид, что спит.

– Он меня не любит, – констатировал Людвиг.

– А надо, чтобы все тебя любили? У меня есть молоко и вкусный сыр. И холодная ветчина. Будешь?

– Всё, кроме молока. У меня есть кое-что получше.
Людвиг достал из кармана бутылку вина, а из-за пазухи букетик фиалок.
– Моей прекрасной рисовальщице. Почему ты никогда не рисуешь мои сны?
– Потому что тебе не снится ничего интересного. Трубы, крыши. Этого добра полно за окном. И это я уже писала.
Элиза привычно придвинула к кровати два табурета, они же импровизированный стол. Людвиг грел руки у очага.
– Замерз, – пожаловался он.
– У тебя есть огонь, есть вино и есть я, – лукаво улыбнулась девушка. – И совсем скоро станет тепло. Только, прошу, не говори никому о моих рисунках. Это опасно.
– Обещаю, заверяю, клянусь... В общем, как всегда, – Людвиг поставил на стол тарелки. – Чего ты так боишься?
– Разговоров. И длинных языков. И я жалею, что сказала тебе.
– Не бойся, никто не узнает, – он перехватил ее на пути от буфета и поднял на руки.
– Осторожно, ветчина! – Элиза балансировала тарелкой.
– Да она все равно холодная. Соломон, марш отсюда!

Утром Элиза обнаружила у себя в ногах свернувшегося клубочком Соломона, увядший букет фиалок на подоконнике, да отпечаток ладони Людвиг на покрытом ледяными узорами окне. Он всегда так прощался, когда она спала, оставляя свое присутствие в комнате на целый день. Девушка улыбнулась и приложила сверху свою руку. Ее отпечаток был бы больше.

Подумав, решила отнести герру Ланге рисунок кондитерши и еще несколько, которые берегла напоследок. На первом девушка с грифоном у фонтана, на втором изломанные линии складывались в цветок каллы, на третьем умирал светловолосый юноша, на четвертом возвышался дворец, сотканный из облаков и тумана, на пятом кружили в небе одиннадцать лебедей. Продавались такие изображения редко, но не брать же с собой? А сжигать так жаль.

Спускаясь по лестнице, Элиза услышала голоса, остановилась на мгновение, осторожно продолжила движение и успела увидеть как фрау Рихтер с почтительным поклоном закрывает дверь за высоким седовласым мужчиной, а потом замирает, глядя ему вслед. Подниматься обратно было глупо, и она сказала:

– Доброе утро.
– А, Элиза, – домовладелица оглянулась через плечо. – Здравствуй.
– Кто это был, фрау Рихтер?
– Это был доктор, Элиза. Но я надеюсь, что он всего лишь ничего не понимающий в медицине шарлатан.

Фрау Рихтер стояла посередине узкого коридора, и девушка не знала, как пройти мимо нее.

– А я вот собрала рисунки...
– Да, шарлатан! Ему, видите ли, нечем меня утешить! – зло крикнула домовладелица, обернулась, и Элиза увидела слезы, текущие по ее лицу. – Положение моего мальчика весьма серьезное, и все это, надо полагать, от нервов! А какие нервы могут быть у шестилетнего мальчишки? Это не истеричная дама, не богатый, изнеженный старик! Какие нервы, я тебя спрашиваю! Из-за собаки? Да я куплю ему сто таких, если он захочет! Мой мальчик, Элиза, не стал разговаривать с этим самозванцем. Не стал, потому что он умный мальчик, а не потому, что витает в каких-то там мирах! И правильно закричал, когда докторишка решил снять со стены твой рисунок, никто не вправе распоряжаться в моем доме, никто не вправе говорить мне, что хорошо, а что плохо для моего ребенка! Ему...ему надо поспать. Всего лишь поспать. Три ночи, три ночи...

И фрау Рихтер содрогнулась от рыданий, махнула на подбежавшую Элизу рукой, толкнула дверь в свою квартиру... Было слышно, как она кричит на мужа, потом что-то разбилось. Элиза торопливо вышла на улицу.

Бедный мальчик, бедный мальчик, что я наделала, думала она, во снах было утешение, в них была его жизнь. А теперь это лишь рисунок...

Полицейский поприветствовал вчерашнюю знакомую трелью свистка, но девушка не оглянулась.

Герр Ланге, беседовавший с двумя дамами, обернулся на звон дверного колокольчика.

– Вот и художница, которую вы хотели видеть, – радостно объявил он, по привычке потирая руки. – Фрау Литте, фрау Кепке – Элиза. Элиза, дамы хотели заказать тебе портреты...

– Я свой, а Герда дочери, – добавила одна из них.

Элиза старательно улыбнулась. Лица женщин под шляпами с пышным оперением казались двумя размытыми белыми пятнами. Она при всем желании не смогла бы отличить одно от другого.

– Большая честь для меня, – пробормотала. – Но я не пишу портретов.

– Мы уверены, что они вам по силам, милочка, – прошептала дама с серо-жемчужными перьями. Элиза вздрогнула. – Вы рисуете прелестные картинки. Вон те дети на лужайке само очарование!

– И о цене не беспокойтесь, мы хорошо заплатим, – добавила вторая, с перьями цвета антрацита.

– О такой клиентуре может мечтать любой художник, – с довольной улыбкой заключил герр Ланге.

– Только в цвете, – сказали серо-жемчужные перья. – У моей доченьки голубые глаза.

Элиза сделала шаг назад и схватилась за ручку двери, но опомнилась.

– Если вы желаете, я напишу в цвете, – твердо сказала она. – Оставьте свои адреса герру Ланге и назначьте любое удобное для вас время.

– Мы зайдем завтра, – пообещали антрацитные перья, и дамы удалились, величаво покачивая шляпами. Герр Ланге согнулся в почтительном поклоне.

– Уффф, – выдохнул он, принимая вертикальное положение. – Светская любезность убивает меня... Ты что-то принесла, девочка?

Элиза протянула потертую папку.

– Так, несколько работ.

– А у меня для тебя есть немного монет. Кажется, ты становишься открытием сезона. Черная тушь уже в моде. И подражатели имеются. Хочешь посмотреть?.. Какая экспрессия, – перебил он сам себя. – Этот юноша словно дышит!

– Я посмотрю в другой раз, – девушка спрятала кошелек в потайной карман. – И, герр Ланге, наверное в следующий раз за деньгами придет Людвиг, трубочист. Вы ведь его знаете?

– Знаю, девочка. А как же адреса?

– Отдадите ему. Он передаст. Хочу немного отдохнуть перед работой над портретами. Это так неожиданно... И мне совсем нечего надеть для таких богатых домов.

– Художник может позволить себе быть эксцентричным, – засмеялся герр Ланге. – И в одежде, и в поступках.

– Я учту, – наконец-то искренне улыбнулась Элиза. – С вами приятно иметь дело. Прощайте, герр Ланге.

– Взаимно, девочка, взаимно...

Он уже искал место на стене для новых работ.

На город медленно опускался вечер. Элиза помыла дорожную клетку Соломона, собрала рисовальные принадлежности. Монеты из тайника пересыпала в кошелек на поясе. Оставалось только переложить в чемодан из шкафа сложенную аккуратной стопкой одежду, да уничтожить рисунок, прикрепленный на мольберте. Дело двух минут.

Время от времени беспокойство гнало Элизу из квартиры, тогда она снимала домашние туфли, чтобы не стучать каблучками, и кралась вниз по винтовой лестнице, прислушиваясь к звукам дома. Она слышала мужские и женские шаги, часто, слишком часто хлопали внизу двери, несколько раз доносились возбужденные голоса. Кто-то ни то кричал, ни то спорил, но слов было не разобрать. Потом страх, что ее заметят, становился непереносим, и девушка, перепрыгивая через ступеньки и спотыкаясь, бежала наверх.

Соломон встречал ее внимательным взглядом странных разных глаз. Элиза садилась рядом с ним на пол.

– Бежать, бежать, – говорила, почесывая кота за ухом. – Мы с тобой вечные беглецы, Соломон. Но теперь мы поедem в теплые края, где много-много зелени, цветов и птиц. И кошек, – Соломон с наслаждением урчал. – И не будет омерзительных черных веток, торчащих из снега. Но сначала нам надо дожидаться Людвига. Мы же не можем уехать, не попрощавшись с ним, правда?

Соломон не был согласен с хозяйкой и выразил свое мнение, уклонившись от ласкающей его руки.

– Он обязательно придет, – затушив свечу, девушка вглядывалась в темноту за окном, потом опять зажигала ее, кралась на лестницу, поднималась обратно...

Часы на ратуше пробили десять, когда Элиза резко поднялась, спихнув с колен кота.

– Нет, это невыносимо! Мы уходим, Соломон.

Она вытащила из-под кровати чемодан, никак не могла расстегнуть застёжки и с веселым удивлением посмотрела на свои руки:

– Надо же.. дрожат! Знаешь что, давай пойдем по крышам? Так мы наверняка встретимся с Людвигом. Он любит ходить по крышам, да Соломон? Только я боюсь поскользнуться и уронить тебя. Так что иди сам. А клетку я понесу. Ну, вот и все.

Элиза затянула ремешки на чемодане, упершись в него коленом, открепила от мольберта рисунок и с наслаждением выпрямилась:

– Так что, в огонь?

В дверь постучали.

– Это Людвиг, Людвиг!

Она щелкнула замком и отпрянула. В комнату вошли фрау Рихтер и двое полицейских, за ними толпились какие-то люди, много людей, Их лица опять превратились в однообразные пятна, эти пятна маячили, как болотные огоньки и гудели, как рой пчел.

– Вот она, инспектор, – фрау Рихтер указующе вытянула вперед руку, словно кто-то мог не заметить Элизу. – Она ведьма! Арестуйте ее, инспектор! Это из-за нее в нашем городе не наступает весна! Это из-за нее умер мой сын! Она ворует наши сны!

Какой-то человек в длинном белом сюртуке вышел вперед, оттеснив полицейских, и плеснул на Элизу водой из стеклянного флакона.

– Теперь она безвредна, – объявил он. – Никто не сможет сопротивляться силе божьей. Берите ее!

Фрау Рихтер, опередив полицейских, хищно вырвала из рук Элизы набросок.

– Вот, святой отец, смотрите, вот доказательство! Пять месяцев живет она в нашем городе, и пять месяцев не тает снег! Все как на этом рисунке!

– Твое рвение похвально, дочь моя. Инспектор, примите у нее богомерзкую мазню. Его Преосвященство будет доволен.

Элизу охватила паника.

– Людвиг! – крикнула она и тут же упала от сильной и резкой пощечины.

– Молчи, если не хочешь лишиться языка, – равнодушно сказал инквизитор.

– У тебя десять минут, приятель.

– Разве я недостаточно заплатил тебе? – недоуменно спросил Людвиг. – Скажи, я заплачу больше.

– Ты заплатил достаточно, чтобы увидеть ее. И достаточно, чтобы я беспокоился о твоей безопасности также, как о своей. Отцы инквизиторы запрещают долго говорить с ведьмой.

– Она не ведьма! – бешено крикнул Людвиг.

Надсмотрщик лишь покачал головой.

– Если бы ты видел столько, сколько видел я, то не был бы так уверен, приятель. У вас десять минут.

Свет в камеру проникал через маленькое окошко под потолком, на улице царила ночь, и Людвиг видел лишь смутный силуэт Элизы. Она стояла у стены, одетая в длинную рубаху, напоминающую мешок с дырками для рук и головы.

Людвиг хотел обнять ее, но лишь взял холодные руки девушки в свои.

– Как же так, Элиза, как же так? Весь город словно сошел с ума. Я чувствую себя таким беспомощным...

– Соломон с тобой?

– У меня дома. Что мне делать, Элиза?

– Не печалиться, Людвиг, – ее голос звучал спокойно и устало. – Я чувствовала, что рано или поздно случится беда, но все же надеялась, что она придет не так скоро. Я была беспечна и поплатилась за это. Жаль, что ты оказался замешан, но прощения не прошу. Я такая, какая есть. Что поделать, если я умею только рисовать? И... лучше расскажи мне о сумасшествии города.

– Лавку герра Ланге сожгли. Хорошо еще, что инквизиция не признала его твоим сообщником. Они приказали фрау Рихтер молчать, но и последний нищий знает, что случилось. Карл рассказал, будто не может спать, будто ему надо все время видеть твой рисунок, потому что он – его сон. Фрау Рихтер разорвала картину, Карл уснул и уже не проснулся. Тогда его мать пошла в Святую инквизицию, а инквизиция пришла за тобой... Они забрали все рисунки у герра Ланге, и многие горожане признали в них свои сны. Тогда они и сожгли лавку, а герр Ланге успел убежать... Говорят, ты виновата во многих болезнях, что эта зима... Ах, Элиза, почему ты не убежала?

– Разве не понятно? Я хотела увидеть тебя.

Людвиг схватил ее, поцеловал в разбитые губы.

– Пусти, мне больно, – девушка подняла руки, закрывая лицо.

– Ты не ведьма, Элиза, ты не можешь быть ведьмой...

– Я рисую сны. Не знаю, может и краду. Карл умер. Не знаю, может и из-за меня... Ты выполнишь мою просьбу? – она дождалась его утвердительного кивка. – Уезжай из города. Соломону нельзя здесь оставаться. Он ведьмин кот с разноцветными глазами, его убьют. А ты везде найдешь работу. Не нужно вам быть в этом городе. Обещаешь?

– Да.

– И еще... Людвиг, у тебя есть с собой проволока? Ты же трубочист, у тебя всегда должно быть с собой немного проволоки².

– Да.

– Отдай.

Он спрятал руки в карманы, словно опасаясь, что девушка станет его обшаривать.

– Зачем она тебе?

– Просто отдай. Она мне нужна, – Людвиг медлил, и Элиза закричала. – Отдай, слышишь! Я же ждала тебя! Тебя! И завтра я умру!

Надсмотрщик загремел в коридоре ключами, открывая дверь. Людвиг сунул ей в руку маленький моток проволоки и молча вышел.

– Боже, что это?

Свет электрического фонаря в дрожащей руке охранника метался по стенам. Его напарник сотворил крестное знамение.

– Рисунки, – Элиза сделала несколько завершающих штрихов и отбросила в сторону проволоку, скученную наподобие пера. – Как знать, может, вы найдете в моей картинной галерее и свои сны. Я надеюсь, что они принесут кому-то болезнь или даже смерть. Вам же не хочется вести на казнь невиновную?

– Ведьма!

– Да я и сама почти верю в это. Мне повезло, что стены оказались достаточно мягкие. Вам – нет. Пора.

Девушка подошла к надсмотрщикам и протянула руки. Стараясь не прикасаться к ведьме, они защелкнули кандалы.

Потом шли длинным коридором. Перед выходом незнакомый Элизе инквизитор закрепил на ее рубашке рисунок: белые крыши домов, черные трубы, серый дым, черные ветви деревьев. Она нежно коснулась бумаги рукой.

– Мой сон...

В железной ледяной клетке ее отвезли на городскую площадь, полную народа. Из толпы в ведьму летели камни. Большая часть отскакивала от прутьев, но некоторые попадали в цель. Элиза лишь мельком посмотрела на сложенный костер. Взгляд ее был прикован к бледным мазкам человеческих лиц. Бедолаги, встречающиеся с ней взглядом, отворачивались и крестились.

Костер оказался таким высоким, что охранникам пришлось поднимать ведьму на место казни. Вскарабкавшись следом, они привязали ее к обгоревшему столбу и, прежде чем посадить инквизитора, попросили очистить их от скверны.

Святой отец поднес крест к лицу Элизы.

– Покайся, заблудшее создание. Душа твоя обретет покой...

– Поджигайте, – прервала его девушка неожиданно хриплым голосом. – Мне холодно.

– Да помилует господь твою душу, – отец инквизитор размашисто перекрестил ее и крикнул. – Снимайте меня!

Толпа взревела. Палач бросил в костер четыре факела, чтобы скорее занялось. Почти мгновенно клубы дыма скрыли фигуру ведьмы от людских глаз. Сырые дрова, подумала она, спасибо, герр Рихтер, я задохнусь раньше, чем сгорю. Глаза слезились, легкие молили о воздухе, но нестерпимый жар выжигал его и плавил выпавший за ночь снег. По мостовой побежали веселые, совсем весенние ручейки. Элиза подняла глаза вверх, увидела на крыше одного из домов тонкий черный силуэт с пятном чего-то белого ни то ни плече, ни то на груди, и близко, так близко медовое солнце и голубое небо.

1 Кепсель – чёрная шапочка из плотной ткани, которую носили трубочисты

2 Моток проволоки применялся трубочистами для очистки труднодоступных участков дымохода